

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно – философскую и богословскую мысль

Валерий Будянский (Образовательная программа «Философия и история религии»)

Аннотация

Настоящее исследование посвящено проблематике богословского и философского персонализма, преломлению данного явления в контексте русской религиозно – философской и теологической традиции. Пути проникновения, в данном случае, обозначаются различными областями философии и православного богословия, которые становятся наиболее значимыми для авторов – персоналистов. Изучение формы реализации персоналистического подхода в этих областях позволяет как установить родственные положения в концепциях различных авторов, действующих в рамках персоналистического движения, так и выявить методологические основания конструирования оригинальных богословских систем на основе персонализма.

Ключевые слова: персонализм, теология, философия, русская религиозная философия, антропология, сотериология.

Исследование проблематики персонализма, в ее преломлении на почве русской религиозной философии и православного богословия, представляется актуальным и практически ценным, поскольку дискуссия вокруг философско – богословских идей мыслителей – персоналистов XX и XXI вв. оказывается важной составляющей как для современной теологической науки, так и для религиозной философии. В настоящее время наблюдается активное издание как оригинальных сочинений представителей богословского персонализма, так и критического анализа их исследователей. Такая ситуация может свидетельствовать о дрящейся и сегодня рецепции идей персонализма, а также богословском диалоге внутри Православной Церкви относительно сущности персонализма и его положении в системе координат церковной доктрины. Вместе с этим, своего углубления требует изучение того, какую форму приобретает данная рецепция и какое место в русской религиозной и философской мысли занимают ключевые идеи персонализма.

В качестве примера широкого внимания научного сообщества к проблематике как философского, так и богословского персонализма можно указать, во – первых, материалы отечественных периодических изданий. Важным явлением стал сборник историко –

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

богословских и историко-философских статей¹, посвященных «генеалогии понятий богословского персонализма» в русской мысли, увидевший свет усилиями богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Дискуссия, начатая обозначенным сборником, продолжилась публикациями иных исследователей². Во-вторых, интерес к персонализму демонстрирует издание и более объемных сочинений. К числу последних могут быть отнесены как переводы зарубежных трудов на русский язык (ценным примером может служить недавно опубликованная книга французского православного теолога Ж.-К. Ларше³), так и отечественные работы, посвященные либо исследованию персонализма⁴, либо его богословскому осмыслению⁵.

Как можно заметить, упомянутая литература затрагивает как вопросы богословского персонализма, так и философские аспекты данной проблематики. Наблюдаются и изучение философского генезиса персонализма, и попытки критического анализа сочинений персоналистов с позиций традиционной доктрины Православной Церкви, и историко – богословского исследования развития персоналистической концепции, и построение богословских систем на с учетом свойственной ей оптики и методологии. Причиной такого разнообразия, как кажется, может быть признана не только популярность персоналистических идей, но и сложность самого этого явления, характеризующегося отсутствием универсального подхода к дескрипции «стержневого» смыслового содержания. Вместе с этим, обращение авторов – персоналистов к ряду общих концептов позволяют говорить о родстве различных версий персонализма (будь то атеистического или религиозного, богословского или

¹ См.: Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: ПСТГУ, 2018. 392 с.

² См., напр., тезисный ответ на приглашение к диалогу о релевантности персонализма доктрине Церкви: *Вышинский О., священник*. О действительных и мнимых проблемах рецепции богословского персонализма: ответ на приглашение к разговору, начатому в сборнике «Рождение персонализма из духа Нового времени». // Христианское чтение. 2019 № 2. СПб.: СПбЦДА, 2019. С. 131-151.

³ См.: *Ларше Ж.К.* Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. 288 с.

⁴ См.: *Методий (Зинковский)*, иером. Богословие личности в XIX-XX вв. Научное издание. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. 320 с.

⁵ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. 336 с.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

философского). Учитывая сложность исследуемого явления, можно предложить следующее определение персонализма.

С одной стороны, персонализмом может быть обозначен набор идей и положений богословского движения в Православной Церкви, определяющего для себя «личностную терминологическую систему» в качестве центральной опоры⁶ и формулирующего собственные концепции в контексте проблемы соотношения сущности и ипостаси, взаимоотношения понятий «личности» и «индивида». В этом случае персонализму свойственно говорить о Боге и человеке, используя понятие «личность», которое приобретает первенство как в ценностной иерархии, так и в рамках всей богословской системы движения. Эта система характеризуется широким использованием антропологического подхода, что и определяет методологию богословского персонализма. Необходимо отметить, что подобное определение используется также и в современных сборниках статей, посвященных проблемам рассматриваемого явления⁷.

С другой стороны, использование понятия философского персонализма призвано обозначить определенный пласт своего рода внецерковных источников, используемых богословами – персоналистами⁸. Таким образом можно говорить, в широком смысле, о философских позициях, противостоящих эссенциализму, и об экзистенциализме (который может быть как религиозным, так и атеистическим). В более узком смысле возникает возможность рассматривать конкретных авторов нового времени и более современных хронологических периодов, наследие которых либо отмечено данными идеями, либо же привлекается богословами в качестве основания.

Обращаясь к философскому аспекту настоящей работы, стоит также учитывать специфику литературных источников. В целом, тематика персонализма обладает большой популярностью в пространстве современной философской мысли. В уже упомянутых выше периодических изданиях наблюдается интерес, прежде всего, к философским источникам

⁶ См.: Чурсанов С.А. Лицом к лицу. М., 2009. С. 206.

⁷ См.: Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: изд-во ПСТГУ, 2018. С. 5-9.

⁸ См.: Ларше Ж.К. Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 9-15.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

персонализма, в том числе и богословского. В этом случае исследуется как русская философская мысль, так и примеры зарубежных деятелей. К примеру, показательным примером может стать философский проект С. С. Хоружего, значительную часть в котором занимает наследие М. Хайдеггера. Интерес к экзистенциализму и его представителям новейшей эпохи отмечают и исследователи богословского персонализма⁹. Существенная часть базовых идей богословского персонализма¹⁰ может быть обнаружена в экзистенциалистской мысли. Также, весьма интересными оказываются и попытки «философского прочтения» современными мыслителями святоотеческой литературы. Интерес этот обусловлен тем обстоятельством, что он наблюдается не только в богословской среде, но и в среде философской. Так, определенные попытки прочтения Отцов Церкви в духе экзистенциализма или же персонализма предпринимаются не только в таких известных примерах как тексты митр. И. Зизиуласа и прот. И. Мейендорфа, но и в менее известных примерах¹¹. Хочется обратить отдельное внимание на то, что достаточно часто в таких случаях выбор авторов падает на сочинения таких значимых для православного богословия авторов как свт. Василий Великий, прп. Максим Исповедник и свт. Григорий Палама. Это уточнение позволяет примерно уяснить тот корпус богословских источников, который обладает наибольшей популярностью в русле интерпретации персоналистами богословского наследия Православной Церкви.

Среди русских философов, внесших значительный вклад в развитие персонализма на почве отечественной религиозно – философской традиции, ключевыми фигурами можно признать, например, В.И. Несмелова (1863 – 1937), Н.А. Бердяева (1874 – 1948), Н.О. Лосского (1870 – 1965), А.Ф. Лосева (1893 – 1988). Для теологического направления значимым является, например, творчество В.Н. Лосского (1903 – 1958), иер. П. Флоренского (1882 – 1937), прот.

⁹См.: Ларше Ж.К. Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 11.

¹⁰См.: Речь идет, прежде всего, об иерархических отношениях природы и ипостаси (или же – в более аутентичном и вместе с этим отличным от традиционного православного учения для персонализма виде этого понятия – личности), в которых второе оказывается как логически, так и ценностно выше первого.

¹¹См.: Димитракопулос. Я. "Григорий Палама – экзистенциалист?" Реконструкция подлинного значения его комментария на Исх. 3:14. // Философские и теологические исследования. СПб., Т. 4. № 1. 2019. С. 306-349.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

С. Булгакова (1871 – 1944), прот. Г.В. Флоровского (1893 – 1979), П.Н. Евдокимова (1901 – 1970).

Итак, в каких областях можно наблюдать влияние персонализма? Прежде всего, рецепция персоналистических идей проявляется в антропологии и триадологии. Оригинальный подход к определению традиционного богословского термина «ипостась» («личность» может выступать в качестве синонимичного понятия, в зависимости от позиции того или иного автора), взгляд на взаимоотношения между личностью и природой наиболее явно эксплицируются именно в контексте учения о человеке и Боге.

Для персонализма свойственно определять личность через отношение, то есть, общение (κοινωνία или communion). Так, к примеру, Бердяеву свойственно настаивать на свойственном личности социальном аспекте, утверждать острую «нужду в общении с другими»¹². Сама «реализация личности» предполагает общение, своеобразный экстазис «из себя в другого»¹³. Именно диалогичность и конструирует личность, согласно Бердяеву, поскольку она «не существует без коммуникации с другими»¹⁴. Синонимичную позицию высказывают и современные богословы – персоналисты. Так, в творчестве митр. Иоанна Зизиуласа можно обнаружить утверждения о том, что общение оказывается «онтологической категорией»¹⁵, которая определяет, таким образом, сам принцип бытия какой – либо «индивидуальности», не способной, по мысли митр. Иоанна, существовать «самой по себе»¹⁶. Обществу решительно усваивается роль определяющего свойства и принципа бытия любой ипостаси, определяемой автором как «конкретная свободная личность»¹⁷. Без общения, источник которого находится в иной «ипостаси», «ипостась», по мнению митр. Зизиуласа, вовсе «неспособна существовать»¹⁸.

¹² См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 300.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же. С. 277.

¹⁵ См.: Зизиулас И., митр. *Бытие как общение: очерки о личности и Церкви*. М.: СФПХИ, 2006. С. 12.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Там же.

Можно заметить, что персоналистическое понимание личности концентрирует внимание на «диалогических» аспектах этого понятия в ущерб таким существенным для традиционного православного богословия характеристики лица, как единственность и самостоятельность¹⁹.

При этом, личность оказывается помещена в динамический процесс, она предстает в виде некоего предела или цели (в данном случае, например, митр. И. Зизиулас использует формулировку «бытие по образу Божию»²⁰, в чем обнаруживается синонимичность подобного подхода взглядам Х. Яннараса, который усваивает образу Божию в человеке «способность быть личностью»²¹), т. е., – личность представляет собой такой способ бытия, который нужно достичь. Данная позиция отражена еще раньше в творчестве Н.А. Бердяева, который также указывает на необходимость «реализовать личность»²². Данная реализация обретает свое совершенство через единство с Богом²³. В пользу своеобразной динамики становления личности высказывается также и В.И. Несмелов, рассуждая о том как человек может достигнуть личностного бытия через приобщение ко Христу²⁴. Это достижение также ассоциируется с обожением и спасением в целом, так как «спасение совпадает с исполнением личности в человеке»²⁵. «Вне спасения»²⁶ человек не является личностью, пребывая во власти необходимости природы с момента своего рождения, которое также оказывается фактором лишения человека «онтологической свободы»²⁷. Этот фактор усугубляется индивидуализмом,

¹⁹ Более подробное раскрытие этого вопроса, а также аутентичности терминологии персонализма православному богословию см., например, у Ж.К. Ларше (*Ларше Ж.К. Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 83-84.*) или иером. Зиньковских (*Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX-XX вв. Научное издание. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 158-182.*), а также к истории вопроса употребления соответствующей терминологии в рамках христологии и триадологии см. в статье Православной Энциклопедии (*Мефодий (Зинковский), иером., Чурсанов С.А. "Лицо". Православная энциклопедия. Т. 41. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 316-326.*)

²⁰ См.: *Зизиулас И., митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: СФПХИ, 2006. С. 9, 11, 13, 16.

²¹ См.: *Яннарас Х.* Вера Церкви: введение в православное богословие. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 101.

²² См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 247.

²³ См.: Там же. С. 270.

²⁴ См.: *Хондзинский П., прот.* Антропология Аполлинария Лаодикийского в трудах В. И. Несмелова. // Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: изд-во ПСТГУ, 2018. С. 63-65.

²⁵ См.: *Зизиулас И., митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: СФПХИ, 2006. С. 46.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Там же, С. 48.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

преодолев который человек может достичь становления подлинной личностью. Средством и путем достижения "личностного бытия" выступает участие христианина в таинствах, через которое совершается «освобождение от природной и исторической обусловленности», преодоление личностью своего естества и достижения экстаза²⁸. Таким образом, появляется возможность выделить еще несколько областей в качестве "путей проникновения" персонализма. К их числу относятся сотериология, эсхатология и сакраментология.

Необходимость преодоления границ человеческой природы, постулируемая "эсхатологией" персонализма, базируется на своеобразной модели отношений между природой и личностью. Дистанция между двумя составными частями человеческого существа устанавливается посредством усвоения последней атрибутов свободы и инаковости, тогда как сущность рассматривается как довлеющий над человеком "исторический" принцип, отвечающий за некий «природный закон»²⁹. Для того, чтобы описать характер отношений между этими двумя "принципами" в человеке, митр. И. Зизиулас использует формулу «конфликта», который проникает глубже простого психологического восприятия и «остается глубоким и неразрешимым»³⁰. Бердяев, в свою очередь, свидетельствует, что преодоление себя, постоянное трансцендирование, есть «реализация личности в человеке»³¹. Действительно, если для персонализма атрибутами свободы, инаковости и любви обладает именно личность, которой также принадлежит и важнейшее (как в вопросе своей реализации, так и самого основания реальности бытия субъекта³²) свойство общения, то весьма органичным выводом из такой пропозиции представляется известная экзистенциальная формула о существовании, предшествующем сущности.

В дополнение к озвученным выше положениям также было бы актуальным привести и такое определение личности как "несводимости к природе". Обладающее соответствующими

²⁸ См.: *Зизиулас И., митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: СФПХИ, 2006. С. 16.

²⁹ См.: *Zizioulas J.* Communion and Otherness: Further Studies in Personhood and the Church / Ed. P. McPartlan. L.; N. Y., 2006. P. 56.

³⁰ Ibidem. «The conflict remains deep and unredeemable».

³¹ См.: Цит. по: *Ларше Ж.К.* Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 55.

³² Здесь необходимо вспомнить о формуле И. Зизиуласса и Х. Яннараса, согласно которой человек существует в силу того, что он любим кем-то, то есть, в силу особого вида межличностного общения. См. в: *Ларше Ж.К.* Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 87.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

коннотациями ограничения или подчинения сущностью ипостаси, а также явного противопоставления последней первой, смысловое содержание этой формулировки может рассматриваться как синонимичное идеям персонализма. Так, например, прот. Вадим Леонов предлагает к рассмотрению именно такой подход, ссылаясь на В. Лосского: «описывая личность, мы должны, игнорируя общие природные характеристики данного человека, выделить его уникальность»³³. Чуть ранее прот. Вадим также говорит, что осознание «личностного начала» в человеке сопутствует умалению значимости «общих для всех людей природных характеристик»³⁴. На несводимости к природе как одном из основных антропологических положений богословского персонализма настаивают и иные авторы, возводя генеалогию этой идеи к тому же В. Лосскому и утверждая, что это положение имеет своим источником учение о «личности как предельно глубоком выражении образа Бога в человеке»³⁵.

Мысль о "несводимости к природе" также открывает перед персонализмом возможность нового подхода к рассмотрению характеристик ипостаси. Так, например, прот. Георгий Завершинский, обращаясь к наследию архим. Софония (Сахарова), постулирует, во – первых – «соотнесенный или диалогический характер», согласно которому «личность всегда пребывает в отношении»³⁶, во-вторых – свободу личности от власти «природных стихий»³⁷. На этом же и основывается отрицание количества как свойства ипостаси, поскольку, согласно прот. Георгию, личность «не может стоять в ряду исчисляемых предметов»³⁸. В целом, сам "арифметический подход" (в данном случае привлекается терминология, используемая самим автором концепции) в этой системе оказывается связан с движением «объективирования и партикуляризации»³⁹, находящимся в конфликте с противоположным взглядом на мир, то

³³ См.: *Леонов В.А., прот.* Основы православной антропологии. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2016. С. 119.

³⁴ См.: Там же, С. 117.

³⁵ См.: *Чурсанов С.А.* Лицом к лицу. М., 2009. С. 134.

³⁶ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 111.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ См.: Там же.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

есть, моделью диалога. Именно в силу того, что человек рассматривает мироздание не в качестве участника диалога, не созерцает его во всей полноте, но разделяет мир на различные элементы с целью «его эффективного использования»⁴⁰ и возникает подобная оптика – человек обращается к миру «как к Оно»⁴¹. Помимо всего прочего, в этой дихотомии наблюдается определенное предпочтение, поскольку "арифметический подход" прямо противопоставлен форме отношений Бога и мира, одной из главных характеристик которых оказывается любовь, предполагающая «личное вхождение в это бытие (бытие мира – прим.)»⁴². Основывается указанное предпочтение на том, что форма диалога Бога и мира является, согласно автору, перспективой и человеческого способа бытия – хотя грехопадение и нарушило отношения между человеком и мирозданием, переведя их в систему «Я – Оно», однако, в нас все еще сохраняется возможность возвращения к модели «Я – Ты», поскольку, «следуя своему ипостасному образу и подобию»⁴³, человек способен достичь видения Бога, перенять модель отношения между Лицами Пресвятой Троицы⁴⁴, распространив ее на собственные отношения с иными человеческими ипостасями, которые более не предполагают какого – либо арифметического различия.

Вышеописанное воззрение на лицо как несводимость к природе нередко выступает в качестве основания для разработки перспектив взаимодействия двух "принципов" в человеке. В качестве одной из возможных иллюстраций этой перспективы выступает понятие "овладения" или "включения", использующееся, например, в трудах некоторых отечественных мыслителей⁴⁵. Другой формой взаимодействия является противостояние, борьба между лицом и природой. Действительно, если преобразование человека, становление его "церковной

⁴⁰ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 111.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: Там же. С. 112.

⁴³ См.: Там же.

⁴⁴ В данном случае автор использует весьма показательную формулировку, говоря, что Бог «сделал возможным такие отношения между людьми, какие Он Сам имеет в Себе».

⁴⁵ См.: *Леонов В.А., прот.* Основы православной антропологии М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2016. С. 115.; *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 111.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

ипостасью⁴⁶, связано с преодолением ограниченности и выходом за тягостные границы сущности, которая не является источником ни свободы, ни воли в человеке, то конфликт принимает образ борьбы. На это указывают и критики богословского персонализма⁴⁷, также отмечающие в качестве причин этой борьбы независимость и постулируемую персонализмом необходимость экстатического преодоления природы как важнейшего этапа человеческого спасения.

Мысль, проиллюстрированная выше, органично развивается через своеобразную иерархию, наблюдаемую в русле персонализма. Данная иерархия предпочитает как логически, так и ценностно личность природе или же ипостась сущности. Так, исследователи замечают свойственный богословскому персонализму «онтологический примат личности над сущностью»⁴⁸. Такое иерархическое предпочтение в целом подкрепляет концепцию отношения – общения (*κοινωνία* или *communio*) как важнейшего онтологического принципа, в согласии с которым все существует. В качестве примера подобного первенства обратимся к словам архим. Софрония (Сахарова), для которого, как указывают некоторые источники⁴⁹, само высшее положение личности по отношению к природе оказывалось исчерпывающим определением ипостаси, поскольку «персона не подлежит никаким ограничениям и какому бы то ни было иному определению»⁵⁰. Поскольку единственно возможным определением персоны является ее онтологическая первостепенность, которая, в свою очередь, проявляется через обуславливающий всякое бытие диалог, то и в целом личность рассматривается динамически. Личность, таким образом, это нечто, пребывающее в движении, находящееся в перспективе (в противовес закрепощающей, ограниченной природе, якобы связанной со стагнацией), в некотором смысле даже выражающееся собственным динамизмом, поскольку личность есть «способность к самопознанию», «дар познания» и «обладание творческой

⁴⁶ О чем, как было сказано выше, неоднократно говорит митр. Иоанн Зизиулас.

⁴⁷ См.: Ларше Ж.К. Лицо и природа. М.: «Паломник», 2021. С. 95.

⁴⁸ См.: Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX-XX вв. Научное издание. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 165.

⁴⁹ См.: Завершинский Г., прот. Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 107.

⁵⁰ См.: Там же.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

энергией»⁵¹. Ценностное преимущество лица также подкрепляется представлением о его благодатности, то есть дарования личности Богом, представ перед Которым, личность «рождается свыше, поэтому она уже не подчиняется законам природы»⁵².

Еще одним значимым философским понятием, используемым персоналистами, является диалог. В данном случае показательной будет позиция прот. Георгия Завершинского и его взгляд на философию диалога М. Бубера. Можно выделить несколько аспектов, которые прот. Георгий стремится затронуть в своей работе. Первый – он противопоставляет две различные методологии – объективирующий метод и метод диалога⁵³. Так, если первый характеризуется «точностью, детальной разработкой и формальной непротиворечивостью» и представляет собой «субъектно – объектный способ познания»⁵⁴, то второй – стремлением указать на «необходимость учитывать и личностные, и безличные отношения», а также «представлением бытия мира и человека в их взаимосвязи»⁵⁵. Первому методу соответствует форма отношений "Я – Оно", второму – "Я – Ты". Именно с обнаружением и разработкой второго метода прот. Георгий связывает имя М. Бубера, также отмечая вклад и иных философов. Предпочтение в данном случае отдается именно Буберу, в силу того, что он «придал этому методу классическую форму»⁵⁶. Диалог представляет собой такое «единое бытие», в которое вовлечены все стороны взаимодействия, оказываясь причастны друг другу. Именно в этом бытии «личность и личностное существуют по – настоящему»⁵⁷. Очень важным является и следующая позиция М. Бубера, которая приводится Завершинским и в целом кажется крайне схожей с учением представителей богословского персонализма. А именно, философ усматривает преимущество формы отношений "Я – Ты" в том, что только она «видит целостность в личности, пребывающей целиком в безграничном отношении с тем, что находится "напротив" нее», что противопоставляется «сумме составляющих, часть из которых

⁵¹ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 107.

⁵² См.: Там же.

⁵³ См.: Там же. С. 44.

⁵⁴ См.: Там же.

⁵⁵ См.: Там же.

⁵⁶ См.: Там же. С. 46.

⁵⁷ См.: Там же, С. 45.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

помечена как объективная, а другая – как субъективная»⁵⁸. Объективные составляющие здесь отражают некоторые свойства познаваемого предмета, а субъективные – свойства субъекта познания. Возводя диалог (или же бытие в отношении) на уровень онтологического принципа, прот. Георгий настаивает на том, что человек, совершенно лишенный контакта с иными людьми, «не является человеком в полном смысле слова», поскольку именно вступление в отношения с Другим, с "Ты" проявляет "Я" в человеке⁵⁹.

Второй аспект – диалог как модус человеческого бытия. Прот. Георгий предлагает дихотомию двух "Я" – присутствующих в той или иной форме отношений. Если "Я" в объективирующей форме отношений имеет "монологический" модус, то бытие в диалоге открывает возможность «одностороннему Я» преобразиться в «Я, взаимно отображенное в Ты»⁶⁰. Можно заметить определенное сходство этой концепции с тем, как представители персонализма предлагают различать в человеке его индивидуальность и личность. Вопрос о модусах бытия тесно связан с иерархией диалогов, в котором особенно выделяется подлинный диалог – такое межличностное отношение, которое лишено какого – либо эгоизма и направлено исключительно на восприятие Другого⁶¹. Прот. Георгий связывает подлинный диалог любви с моделью отношений между Лицами Бога Троицы, к которой человек может оказаться причастен посредством благодати. Здесь также интересно замечание автора относительно слабости буберовского не – богословского понимания благодати, которая для него является «наличием взаимности» – возникающей вновь и вновь основой и смыслом нашего бытия⁶². Прот. Георгий считает, что использование в данном контексте именно богословского понятия благодати позволяет избежать «туманности концепции»⁶³. Благодать выступает как реальное подтверждение и изначальный источник подлинного диалога, поскольку она может

⁵⁸ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 47.

⁵⁹ См.: Там же.

⁶⁰ См.: Там же. С. 48.

⁶¹ См.: Там же. С. 52.

⁶² См.: Там же. С. 56.

⁶³ См.: Там же.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

свидетельствовать о вечном «диалоге божественных Лиц»⁶⁴. Это свидетельство благодати, откровение Бога (в данном случае прот. Георгий использует формулировку Бубера – "вечное Ты" или "врожденное Ты") проявляется на протяжении всей истории в добродетельных «человеческих отношениях», которые теперь уже не ограничиваются одним человечеством, но имеют ту самую необходимую третью сторону, о которой говорит М. Бубер⁶⁵. Местом приобщения этой благодати становится Церковь, ее таинства и процесс богообщения.

Подведем итоги. Основными "путями проникновения" персонализма в среду русской богословской и религиозно – философской мысли можно признать такие разделы философии и теологии как: антропология, онтология, сотериология, эсхатология, сакраментология. Вместе с этим, кажется оправданным отметить, что при использовании персоналистической "оптики" богословом или философом, становится затруднительно провести четкую демаркацию между элементами теологической или философской системы, которые были бы отмечены влиянием персонализма; и теми, которым удалось этого влияния избежать. Обозначенная проблема свидетельствует о сложности явления богословского и философского персонализма, а также о необходимости детального исследования его преломления в различных сферах православного богословия и религиозной философии.

Библиография

Антонов К.М. Проблема личности в философии П. Я. Чаадаева и русский богословский персонализм XX века // Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: ПСТГУ, 2018. С. 165-176.

Антонов К.М. Проблема личности в мышлении о. С. Булгакова и проблематика богословского персонализма в XX веке // Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: изд-во ПСТГУ, 2018. 176 – 205 с.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

⁶⁴ См.: *Завершинский Г., прот.* Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. С. 57.

⁶⁵ См.: Там же. С. 58.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

Василенко Л.И. Введение в русскую религиозную философию: учеб. пособ. М.: ПСТГУ, 2006. 442 с.

Вышинский О., свящ. О действительных и мнимых проблемах рецепции богословского персонализма: ответ на приглашение к разговору, начатому в сборнике «Рождение персонализма из духа Нового времени». // Христианского чтение. 2019 № 2. СПб.: СПбПДА, 2019. С. 131 – 151.

Димитракопулос. Я. Григорий Палама – экзистенциалист? Реконструкция подлинного значения его комментария на Исх. 3:14. // Философские и теологические исследования. СПб., Т. 4. № 1. 2019. С. 306-349.

Завершинский Г., прот. Богословие диалога: Тринитарный взгляд. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2017. 336 с.

Зизиулас И., митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: СФПХИ, 2006. 280 с.

Ларше Ж.К. Лицо и природа. Православная критика персоналистских теорий Христоса Яннараса и Иоанна Зизиуласа. М.: Паломник, 2021. 288 с.

Леонов В.А., прот. Основы православной антропологии. М.: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2016. 456 с.

Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX – XX вв. Научное издание. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. 320 с.

Мефодий (Зинковский), иером., Чурсанов С.А. «Лицо». Православная энциклопедия. Т. 41. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 316-326.

Хондзинский П., прот. Антропология Аполлинария Лаодикийского в трудах В. И. Несмелова // Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: изд – во ПСТГУ, 2018. С. 52-67.

Чурсанов С.А. Лицом к лицу: Понятие личности в православном богословии XX века. М.: ПСТГУ, 2014. 264 с.

Яннарас Х. Вера Церкви: введение в православное богословие. М.: Центр по изучению религий. 1992. 232 с.

Пути проникновения философского персонализма в русскую религиозно-философскую и богословскую мысль

Zizioulas J. Communion and Otherness: Further Studies in Personhood and the Church. New York, 2006. 315 p.

Paths of entry of philosophical personalism into Russian religious – philosophical and theological thought

Abstract

The present study is devoted to the problems of theological and philosophical personalism, the refraction of this phenomenon in the context of the Russian religious philosophy and theological tradition. The paths of entry, in this case, mean various areas of philosophy and Orthodox theology, which become the most significant for the personalist authors. The study of the form of implementation of the personalistic method in these areas allows both to establish related positions in the concepts of various authors operating within the framework of the personalistic movement, and to identify the methodological foundations for the construction of original theological systems based on personalism.